

Ю. Олешу⁶. И тем самым он обозначает те рамки и то направление, в котором движется Достоевский, исследуя этот феномен.

Родион Раскольников решается на убийство, чтобы проверить, а точнее, подтвердить свою исключительность. Ведь как раз романтическая исключительность, или, другими словами, неординарность возвышает его над общим правилом. В противоположность ему, "подпольный человек" ординарен, и по причине своей *обыкновенности* противопоставляет правилам и всему миру не гордыню, а бытовую потребность. Протест здесь соответствует масштабам личности, и в центре пустой "вселенной", именуемой "подпольным человеком", стоит стакан горячего чая.

Подчеркнем, что в книге о Достоевском Шестов заявляет об эгоистической природе человека более определенно, чем в книге о Толстом. Все герои трагедий, о которых повествует Достоевский, по убеждению Шестова, – "эгоисты", и каждый из них по поводу своего несчастья зовет к ответу мироздание. Ведь не только "подпольный человек", но и Иван Карамазов в последнем романе Достоевского прямо заявляет: "я мира не принимаю". Иван Карамазов, как и его отец, "эгоист до мозга костей", и потому, хотя и получил серьезное образование, не желает, пишет Шестов, поступиться своей личностью, растворяя ее в природе или высшей идее.

В *каждом* герое Достоевского, отмечает Шестов, живет "подпольный человек". "Соответственно этому все безобразное, отвратительное, трудное, мучительное, словом, все проблематичное в жизни находит себе страстного и талантливейшего выразителя в Достоевском"⁷. Но в этом всего лишь часть правды, потому что "подпольный человек", как подчеркивает Шестов уже в разговоре о Ницше, таится в *каждом* из нас. Ссылаясь на "Человеческое, слишком человеческое", он сравнивает эгоизм со "змеиным жалом", которое существует всегда, но заявляет о себе лишь в определенных обстоятельствах. Пока обстоятельства складывались благоприятно, пишет Шестов, могли кто-нибудь заподозрить в кротком и мягком профессоре Фридрихе Ницше "змеиное жало" – "ту крайнюю форму эгоизма, которая привела подпольного человека к дилемме: существовать ли миру или пить чай ему, подпольному герою?"⁸ И мог ли кто-нибудь, глядя на его преданное служение науке и искусству, продолжает Шестов, предположить, что наступит момент, "когда волею судеб пред Ницше предстанет уже не теоретически, а практически вопрос – что сохранить, воспетые ли им чудеса человеческой культуры или его одинокую случайную жизнь..."⁹.

В выраженной здесь антитезе личность явным образом противопоставлена культуре. Но как раз масштаб личности Ницше позволяет взглянуть на его трагедию с другой стороны. Неповторимая личность профессора Ницше – порождение не природы, а культуры XIX в. И именно в ней – культуре XIX в. – причина того, что, попав в беду, Ницше не нашел в ней для себя опоры. На разгадку этой тайны указывает сам Ницше. В предисловии к статье о Вагнере он пишет о самом себе: "я, так же, как и Вагнер, сын нашего времени, *décadent*. Только я понял это и боролся с этим, философ во мне боролся с этим"¹⁰.

К сожалению, Ницше нашел чисто декадентский выход из своей трагической ситуации. Он был декадентом, и им остался. Его протест против кризиса культуры – это *отражение*, а не преодоление существующего положения дел. Ведь Сверхчеловек – это декадентская пародия на неповторимое человеческое Я, где суррогатом духовного богатства является сугубо телесная мощь и телесное здоровье. Общение с себе подобными здесь низведено до той мизантропии и жажды утвердиться *за счет другого*, которая встречается на каждом шагу в мире культуры до и после Ницше, но характерно, что ту ненависть к культуре, которая рождается у Ницше в болезненной борьбе с самим собой, Лев Шестов принимает за чистую монету, и хотя ему свойственны углубленные экскурсы в историю вопроса, везде он видит то, что *хочет* видеть.

Ответ на трагизм жизни у Достоевского дает Соня Мармеладова из "Преступления и наказания", его дает старец Зосима из "Братьев Карамазовых" и, конечно же, Иисус Христос, к которому постоянно обращается Достоевский в своем "Дневнике писателя". Известна формула Достоевского "Красота спасет мир", в которой речь идет не о